

А. А. ГОЗЕНПУД

## ЛОМОНОСОВ И ГОЛЬБЕРГ О МУЗЫКЕ

В своей «Риторике» М. В. Ломоносов посвятил несколько параграфов прозаическим и стихотворным повествованиям. Он писал: «Вымыслами называются предложения, которых действительно на свете не бывало, или хотя и были, однако некоторым отменным образом. И посему разделяются вымыслы на чистые и смешенные. Чистые состоят из предложений дел или вещей, которых нет и не бывало, как писал Апулей о золотом осле и Петроний свой Сатирикон. Смешенные вымыслы состоят из правдивых вещей или действий, однако таким образом, что чрез разные выдуманнные прибавления и отметины с оными много разнятся. Таковы суть Гомеровы Илиада и Одиссея, Виргилиева Енеида и похождение Телемаково». Роман, повесть или поэма, по определению Ломоносова, — это «цельные вымыслы». Переходя к определению сущности жанра, Ломоносов указывает: «Повестью называем пространное вымышленное чистое или смешенное описание какого-нибудь деяния, которое содержит в себе примеры и учения о политике и о добрых нравах; такова есть Барклаева Аргенида и Телемак Фенелонов».<sup>1</sup>

В новом издании «Риторики» Ломоносов расширил этот перечень произведений, включив в него «Гулливерово путешествие по неизвестным государствам» Свифта, «Лукиановы разговоры», застольные беседы Эразма Роттердамского.<sup>2</sup> Но критерий ценности остался прежним — этическая содержательность. Выше всего Ломоносов ценил «смешенные вымыслы», заключающие «похвалу славных мужей или какие знатные, в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение».<sup>3</sup>

Из числа нравоучительных повествований писатель исключил произведения лубочной литературы и французские романы: «Сказки, которые никакого учения добрых нравов и политики

<sup>1</sup> Ломоносов. Стихотворения. Под ред. акад. А. С. Орлова. При участии А. Малеина, П. Беркова и Г. Гуковского. [Л.], 1935, с. 284—286.

<sup>2</sup> Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, с. 223.

<sup>3</sup> Там же.

не содержат и почти ничем не увеселяют, но только разве своим нескладным плетеньем на смех приводят, как скаска о Бове, и великая часть Французских Романов, которые все составлены от людей неискусных и время свое тщетно препровождающих».<sup>4</sup>

В новой редакции «Риторики» эта отрицательная характеристика расширена и углублена. Пустые сказки и французские романы, по словам Ломоносова, «иногда только украшением штиля разнятся, а в самой вещи такая же пустошь, вымышленная от людей, время свое тщетно препровождающих, и служат только к развращению нравов человеческих и к вящему закоснению в роскоши и плотских страстях».<sup>5</sup>

Мы не знаем, о каких именно произведениях в «Риторике» идет речь. Было высказано предположение, что Ломоносов имел в виду прежде всего романы Антуана Прево.<sup>6</sup> В библиотеке Ломоносова находились «Превращенный крестьянин» Мариво и роман неизвестного французского автора «Странствующий музыкант» — оба в немецком переводе,<sup>7</sup> но, конечно, круг чтения писателя был обширнее. Все же думается, что, сопоставляя французские любовные романы с «Бовой», Ломоносов имел в виду не только книги Прево и Мариво, но и произведения галантного и авантюрно-галантного жанра, в том числе «Езду в остров любви» Поля Тальмана. Не забудем, что в перечне произведений, данных в «Риторике», наличествует «Аргенида» Барклай и «Странствия Телемака», также переведенные Тредиаковским. Рекомендуя русским читателям роман Тальмана, он писал, что «сия книга есть сладкие любви» и «подает утеху, сладость и пользу нравоучительную».<sup>8</sup> Прямо или косвенно в определении ценности французского романа Ломоносов полемизировал со своим давним антагонистом.

В суждениях о литературе автор «Риторки» стоял на позициях, отчетливо сформулированных в «Разговорах с Анакреоном»:

Мне струны поневоле  
Звучат геройский шум,  
Не возмущайте боле,  
Любовны мысли, ум;  
Хоть нежности сердечной  
В любви я не лишен;  
Героев славой вечной  
Я больше восхищен.<sup>9</sup>

Симпатии Ломоносова в сфере романа были безоговорочно отданы произведениям, несущим высокие нравственные, полити-

<sup>4</sup> Ломоносов. Стихотворения, с. 286.

<sup>5</sup> Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 223.

<sup>6</sup> См.: Серман И. З. Становление и развитие романа в русской литературе XVII века. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, с. 85.

<sup>7</sup> Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. М.—Л., 1961, с. 332.

<sup>8</sup> Тредиаковский В. К. Сочинения, т. 3. СПб., 1849, с. 649.

<sup>9</sup> Ломоносов. Стихотворения, с. 215—216.

ческие, философские идеи и бичующим общественные пороки. К названным в «Риторике» произведениям этого рода мы можем присоединить «Дон-Кихота» Сервантеса и «Комическую историю государств и империй Луны» Сирано де Бержерака.<sup>10</sup>

Вероятно, Ломоносову были известны и некоторые другие произведения, в том числе утопические романы, фантастические путешествия в неведомые страны. В ряду книг подобного рода, которые Ломоносов знал и которые, пользуясь его определением, можно было бы отнести к «смешанным вымыслам», мы встречаем сатирический роман Людвига Гольберга «Подземное путешествие Нильса Клима», написанный на латинском языке и изданный в 1741 г. Ломоносов мог его прочитать либо в оригинале, либо в немецком переводе. Русский перевод вышел в свет только в 1762 г.

Мы не знаем, в какой мере Ломоносову было известно творчество датского современника, чья разносторонняя ученая и писательская деятельность являет своеобразную аналогию собственной его деятельности. Все свои силы Гольберг посвятил делу просвещения, ярко проявив себя в разных областях науки, в том числе философии, истории, географии. Гольберг занимался и вопросами богословия и метафизики, которой, по словам современников, нанес смертельный удар. Гольберг, как и Ломоносов, был просветителем-деистом.

Самую ценную часть творческого наследия Гольберга, сохранившую на сегодня не только историческое, но эстетическое значение, составляют его сатирические произведения — комедии, поныне не сходящие с датской сцены, названный выше роман и поэма «Педер Порс». Широкая популярность этих произведений, их многочисленные переводы позволяют высказать предположение, что Ломоносов мог знать не только «Нильса Клима». Имя Гольберга было названо Тредиаковским в полемике с Сумароковым, о которой Ломоносов конечно знал.<sup>11</sup> Ироническое прозвание «Штивелиус», которым Сумароков наделил Тредиаковского, входящее к немецким переводам Гольберга, встречается и у Ломоносова. Страстная вера в могущество знания, ненависть к педантизму, схоластике, пропизывающие творчество датского писателя, также роднят его с Ломоносовым. Гольберг принадлежал к тем западным писателям, которые относились с глубокой симпатией и интересом к России и Петру I. Это также должно было привлечь к нему внимание Ломоносова. К тому же русский писатель интересовался Скандинавией и ее историей. В его библиотеке находились труды Саксона Грамматика, Олофа Далина, Эрпольда Линденброга, Эрика Понтопидана, Снорре Стурлезона, Торфеуса

<sup>10</sup> Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова, с. 320, 323.

<sup>11</sup> Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936, с. 94—96.

Тормода и др.<sup>12</sup> Возможно, что Ломоносову были известны и исторические труды Гольберга.

В «Грамматике» Ломоносова есть упоминание имени датского писателя, связанное с одним эпизодом «Подземного путешествия Нильса Клима». Для того чтобы понять смысл данного упоминания, необходимо остановиться на этом своеобразном произведении. В нем Гольберг, описав фантастические приключения бергенского студента под землей, создал злую сатиру на современную Европу, высмеял несправедливый общественный строй, захватнические войны, невежество, педантизм. Гольберг в своей книге широко использовал литературную традицию, прежде всего произведения Лукиана, Свифта, Сирано де Бержерака, писателей, хорошо известных Ломоносову. И он несомненно воспринимал датского писателя в контексте этой традиции.

Один из эпизодов книги посвящен поездке Нильса Клима в страну, населенную музыкальными инструментами. Этот эпизод и привлек внимание Ломоносова.

Переводчик, приставленный к Нильсу Климу и его спутникам, зная о том, что аборигены не понимают человеческой речи, захватил с собой бассон (фагот), дабы с его помощью вступить с ними в переговоры. Жители сбегаются на призывные звуки бассона. По описанию Нильса Клима, они «состав свой имели следующий: наверху шея была у них длинная с маленькою головою, а самое тело, тонкое и сухое, сверху нежною, некоторою коркою покрытое, так что между означенною коркою и телом остальное место все было пусто. Над пупом брюха их от природы положена кобылка с четырьмя струнами, а весь оной состав опирался только на одну ногу, так что все они, одною ногою перескакивая, великою скоростию хождение свое исправлять могли. Словом сказать: по всему виду истинными инструментами почитать их должно, кроме только одной той отмены, что они имели плечи и руки, из которых одною держали смычок, а другою перебирали струны. Толмач наш, позывая в разговор оных жителей, на носимом с собою инструменте начал изрядным искусством играть и тотчас таким же образом чрез голос струн получил ответ, так что они, взаимным образом долговременно переигрываясь, должности чувств изображали. Сначала играли они только одно *Ададжо*, весьма гармонично, но после тотчас пошла у них *разногласица*, которая для ушей была неприятна. Но наконец вся музыка сошла на сладкогласное и приятное *престо*. Что услышав, товарищи мои весьма обрадовались, сказывая, что чрез то о цене товаров учинен сговор». Как оказалось, первое ададжи означало приветствия, разногласица обозначала спор о цене, а «сладкогласное престо» — «благополучную в товарах размену».<sup>13</sup>

<sup>12</sup> Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова (см. по указателю).

<sup>13</sup> Роман Гольберга цитируется по изданию: Подземное путешествие, представляющее историю разнородных с удивительными и неслыханными

Гольберг подробно описал жизнь музыкальной страны. Нарушение закона карается «отнятием смычка», что равносильно смертной казни. На судебном процессе истец и ответчик, «вместо речей, по струнам, вдоль по брюху у них протянутым, водили смычками, издавая чрез них свой голос». Прения сторон выразились в музыкальной разногласице, «так что в проворстве и оборотности рук их все у них красноречие состояло». Судья прекратил какофонию и сыграл адажио, означавшее приговор, и служители правосудия отняли у осужденного смычок.

Нильс Клим сообщает подробности о системе воспитания, принятой в музыкальной стране. Детям «по то время не даются смычки, пока они не приидут в возраст трех лет, а как на четвертый год переступят, то посылают их в школы, где бы они от учителей могли быть наставлены, как им проводом и отводом смычка должно струн своих издавать голос, то есть, по нашему речению, грамоте обучаться».<sup>14</sup>

Все описание выдержано в юмористическом духе. Для Гольберга, убежденного рационалиста, возможность общения людей с помощью музыки являлась абсурдом. Сферы музыки и языка разделяла непреодолимая преграда.

Взгляд Ломоносова был неизмеримо шире, хотя он в отличие от Гольберга не был музыкантом.

В «Российском грамматике» мы находим следующие строки: «Вымышленные от Голберга в земли живущие люди, когда бы действительно были и имели бы вместо органов, к произнесению слова служащих, на груди своей струны, то могли бы оными свободно изображать и с другими сообщать свои мысли».<sup>15</sup>

Ломоносов не просто ссылается на Гольберга, но полемизирует с ним. Рассказ Нильса Клима должен доказать нелепость замены звуками музыки слов, обозначающих понятия. Для Ломоносова выражение музыкой чувств и представлений вполне возможно. Звуки музыкальные условны, как и звуки речи. Люди, не знающие языка страны, в которую они попадают, беспомощны в большей мере, нежели спутники Нильса Клима. Зная законы музыкальной речи и знаки, ее выражающие, человек способен понять, что хочет сказать его собеседник. Именно это и подчеркнул Ломоносов, заметив, что фантастические персонажи Гольберга могли бы с помощью струн «свободно изображать и с другими сообщать свои мысли».

Конечно, слова Ломоносова нельзя понимать буквально как утверждение адекватности словесной речи и речи музыкальной.

---

свойствами животных, також образцов житья и домостроительства оных, которое, с чудными и разнопревратными похождениями чрез двенадцать лет отправа, наконец в Копенгагене на латинском языке на свет издал Николай Клим, бергенский студент, подземный герой и после бывшей бергенской же крестовой кирхи пономарь. СПб., 1762, с. 283—284.

<sup>14</sup> Там же, с. 284—285.

<sup>15</sup> Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7, с. 396.

Великий ученый имел в виду общность, а не тождество. Высота звука, интервалика, сила, акцент (ударение), темп, сочетание тонов позволяют слушателю понять, что хочет сказать музыкант. Для Ломоносова между музыкой и словом существовала не только внешняя, но и внутренняя связь. Но для того чтобы понимать музыку (как и другие искусства), необходимо знать законы, ею управляющие.

Самое звучание слов и отдельных гласных, по Ломоносову, имеет выразительное значение, особенно в пении:

Искусные певцы всегда в напевах тщатся,  
Дабы на букве *А* всех доле остояться,  
На *Е*, на *О* притом умеренность иметь,  
Чрез *У* и через *И* с поспешностью лететь  
Чтоб оным нежному была приятность слуху,  
А сими не принесть несносной скуки уху  
· · · · ·  
В музыке что распев, то над словами сила,  
Природа нас блюсти закон сей научила<sup>16</sup>

Таким образом, мелодия (распев) сообщает слову особую энергию и силу. Мы знаем, какое внимание уделял Ломоносов эвфонии стиха. О выразительности музыки писал он в стихотворении, посвященном роговому оркестру.

Кажущееся мимолетным замечание в «Российской грамматике» свидетельствует о том, что каждое замечание и каждая ссылка в теоретических работах Ломоносова требуют историко-литературного комментария, без которого их смысл может остаться непроясненным для современного читателя. Ломоносовское обращение к сатирическому роману датского писателя открывает нам еще одну сферу интересов Ломоносова, о которой мы до сих пор почти ничего не знаем. Его полемика с Гольбергом предвосхищает некоторые положения, высказанные представителями музыкальной эстетики второй половины XVIII столетия.

---

<sup>16</sup> Ломоносов, Стихотворения, с. 234